

Альтернативная занятость в сельской местности¹

Е.В. СЕРОВА, Д.В. ЗВЯГИНЦЕВ

В статье рассматривается пока еще плохо изученная в России проблема альтернативной занятости в сельской местности. Дается краткий обзор рынка труда в селе – динамика занятости, ее отраслевая структура и изменения последних лет, качественные характеристики сельского труда, формирование неформальной занятости, стоимость труда. На основе сопоставления предельного продукта труда и фактической заработной платы формулируется гипотеза трудоизбыточности в селе. Если исходить из презумпции сохранения сельских поселений в России в существующем масштабе, то трудоизбыточность ведет либо к хронической сельской бедности, из которой мир пока не нашел путей выхода, либо к необходимости развития альтернативной занятости. Авторы формулируют понятие альтернативной занятости в контексте такой постановки задачи и на основе социологического исследования в Пермской области, проведенного в 2004 г. с их участием, делают небольшой анализ проблем формирования альтернативной занятости в селе.

Экономические реформы в России привели за 15 последних лет к существенным изменениям в сельской жизни страны. Изменилась аграрная структура, появились новые формы ведения сельского хозяйства – частные фермерские хозяйства, крупнейшие агрохолдинги, сильно эмансипировало личное подсобное хозяйство. Были приватизированы основные средства аграрного производства – земли, сельхозтехника и оборудование, скот. Кончилась эпоха гарантированного сбыта по устойчивым ценам при практически неограниченной емкости внутреннего спроса на агропродовольственную продукцию, началась конкуренция на рынках. Все это привело, с одной стороны, к поляризации сельскохозяйственных производителей, вычленению небольшого числа высокопродуктивных, конкурентоспособных производителей и маргинализации значительной части других производителей, и, с другой стороны, к возникновению существенной скрытой и открытой безработицы в сельской местности, снижению относительного уровня жизни в селе в среднем.

Проблема сельской бедности в России широко освещена в литературе и хорошо осознается обществом как критическая точка национального развития. В то же время общепризнанной стратегии ее решения пока не выработано ни эксплицитно, ни имплицитно. Вообще говоря, это решение лежит в рамках трех стратегий: 1) рост доходов сельского населения от аграрной занятости, 2) рост доходов от неаграрной занятости и 3) миграция сельского населения в города. Первая стратегия предполагает рост спроса на агропродовольственные товары темпами, опережающими рост производительности труда в аграрном секторе. В силу закона Энгеля это возможно только посредством аграрного протекционизма, защиты внутреннего рынка от импортной продукции и максимального продвижения собственной продукции на мировые рынки, а также поддержания трудоинтенсивных технологий в сельском хозяйстве². Миграция сельского населения в

¹ Статья написана по результатам исследования, выполненного на средства Научного фонда ГУ–ВШЭ (гранта № 05-01-0029).

² Так, проблема огромной трудоизбыточности в Китае решается также и путем сдерживания механизации аграрного сектора. В частности, в Китае приходится 6 тракторов на 1000 га пашни по сравнению с 18

города приведет к тому, что в сельской местности не останется населения, будет утрачен контроль над обширными территориями страны, возникнет нерациональная свехурбанизация, потеряна часть национальной культуры, связанная с сельским образом жизни, и многие другие нежелательные последствия. Кроме того, если (а, скорее всего, это будет именно так) сельское население не сможет конкурировать на городском рынке труда, то это приведет к перемещению сельской бедности в города [см. например, *de Janvry, Sadoulet*]. Развитые страны мира, столкнувшись с резким ростом производительности труда в сельском хозяйстве, в конечном итоге пришли к необходимости развития альтернативной занятости в сельской местности как оптимальной стратегии решения проблемы избыточного сельского труда.

В России альтернативная занятость в селе также развивается, но в большинстве случаев это спонтанный процесс, не наблюдаемый и не поддерживаемый государственной политикой.

Характеристика занятости в сельской местности России

В сельской местности в России в 2002 г. проживало 38,7 млн человек. Из них в трудоспособном возрасте (от 15 до 64 лет) находилось 24,5 млн человек, или 60%. Из этого числа экономически активное население составляло 61,5%, из которых в экономике было занято 51,8%, а 9,7% являлись безработными [Итоги Всероссийской переписи... 2002].

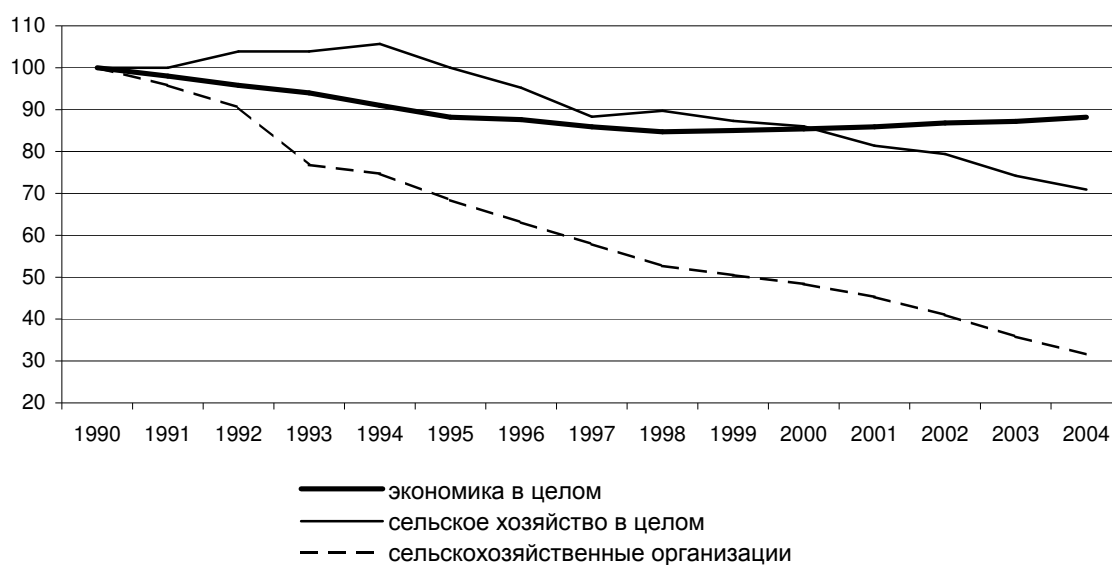
По сравнению с городским населением доля экономически активного населения в селе заметно ниже, а безработица – существенно выше. Уровень безработицы в сельской местности непрерывно рос с 3,7% в 1992 до 13,5% в 1998 г., после чего начал постепенно снижаться, достигнув сегодня 9% [Труд и занятость... 2006].

В современном российском селе аграрное производство перестало быть главным источником занятости. Если в начале 1990-х годов в сельском хозяйстве было занято более половины всего трудоспособного сельского населения, то в течение десятилетия эта доля постоянно снижалась³, а перепись населения 2002 г. показала, что аграрный сектор является основным местом работы только для трети занятого населения. Доля несельскохозяйственных видов деятельности в селе в значительной мере росла не из-за расширения абсолютного числа неаграрных рабочих мест, а из-за начавшегося после 1995 г. резкого падения занятости в сельском хозяйстве, особенно в сельскохозяйственных организациях (Рис 1). Так, в 1999 г. в экономике было занято около 18 млн сельских жителей, из которых около 10 млн – в сельском хозяйстве, в 2002 г. занятость сократилась до почти 13 млн человек, из которых в сельском хозяйстве работало чуть более 4 млн.

тракторами в мире в среднем. При производстве зерна в 6–10 раз больше чем Россия Китай имеет примерно столько же зерноуборочных комбайнов [Росстат, China 2001].

³ Оценка авторов по [Экономическая активность... 2002].

Рис 1 Изменение численности занятых в экономике в целом и в сельском хозяйстве, 1990 г. = 100%

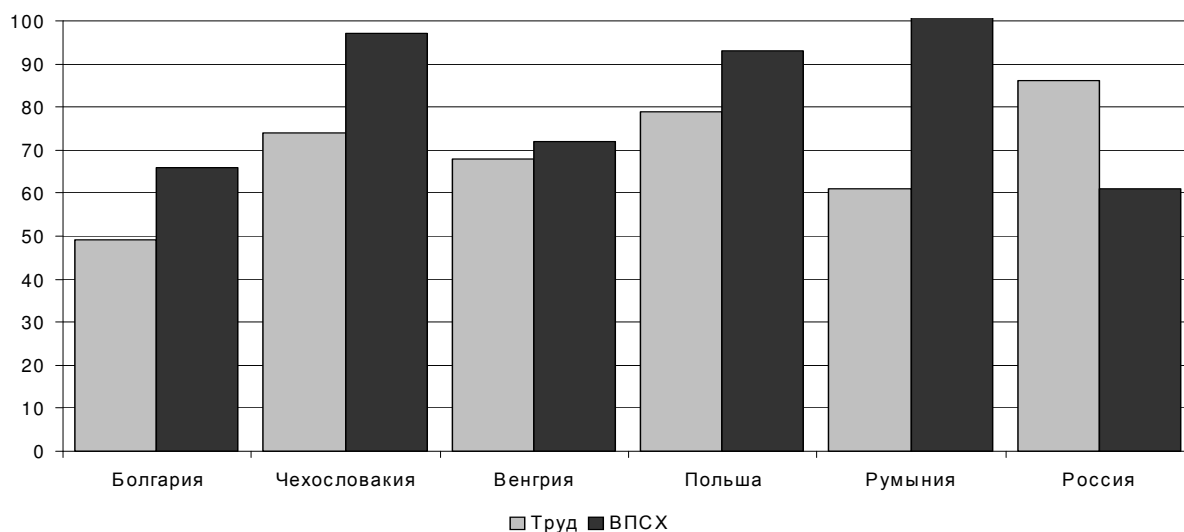

Источники: [Социальное положение 2005]

Рост занятости в сельском хозяйстве на первых этапах реформ и более медленное ее сокращение в дальнейшем привели к тому, что общая производительность труда в аграрном секторе долгие годы сокращалась. Если оценить производительность труда как соотношение валовой продукции отрасли и всех вовлеченных в ее производство работников, то Россия по этому показателю отстает от основных стран Восточной и Центральной Европы (ЦВЕ), проходящих тот же трансформационный процесс (Рис 2). На рисунке видно, что все рассмотренные страны ЦВЕ за десятилетие реформ имели более быстрое сокращение аграрной занятости по сравнению с падением объемов производства. В России динамика диаметрально противоположна. Статистика сельскохозяйственной занятости в России, как уже было отмечено, не включает в себя хозяйства населения, которые производят продукцию для личного потребления. В то же время валовая продукция от этих хозяйств дооценивается Росстатом. Поэтому, вообще говоря, соотношение динамики относительных показателей производительности труда в России еще ниже. С другой стороны, неформальная аграрная занятость во всех транзитных странах также присутствует и вряд ли учитывается в общей сельскохозяйственной занятости⁴. Кроме того, как будет показано, вклад сугубо подсобных хозяйств населения в валовую продукцию сельского хозяйства очень незначительный, поэтому включение этой категории занятых в знаменатель показателя производительности труда еще более понизит данный показатель.

⁴ Например, в Венгрии в формальное определение сельхозпроизводителей в перепись 2003 г. включались производители, имеющие более 15 соток земли, одной головы КРС, лошадей, свиней, 50 голов птицы и т. д. Все производители с меньшими физическими параметрами размера рассматривались как домохозяйства. Занятость в этих хозяйствах в сельхоззанятости не учитывалась [Laczka: Интернет-ресурс].

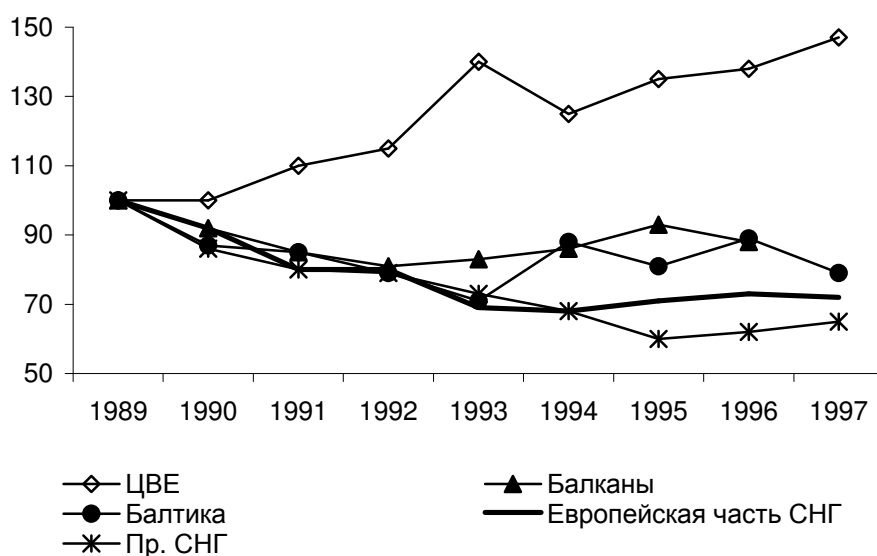
Рис 2 Валовая продукция сельского хозяйства (ВПСХ) и сельскохозяйственная занятость в 2000 г. по сравнению с 1990 г. в отдельных странах с транзитной экономикой (%)

Источник: построено по данным ОЭСР и Росстата.

Такая же закономерность присуща всем странам СНГ, чуть лучше ситуация в Балтийских республиках и на Балканах. Наибольший рост производительности труда в сельском хозяйстве обеспечили в период реформ страны Центральной Европы (Чехия, Словакия, Венгрия и Польша) (Рис 3).

Рис 3 Производительность сельскохозяйственного труда в странах с переходной экономикой 1989–1997 гг.

Источник: [Swinen 2002]

При всем том, что занятость в сельхозпредприятиях сократилась заметно более пропорционально падению валового производства, но и здесь производительность труда уменьшилась по сравнению с 1990 г.: на один процентный пункт сокращения валового выпуска занятость сократилась только на 0,83 процентных пункта (во всем секторе – на 0,7). Это означает, что в секторе за годы реформ распространилось наименее производительное использование рабочей силы: занятые в секторе переместились из более продуктивного производства в менее продуктивное.

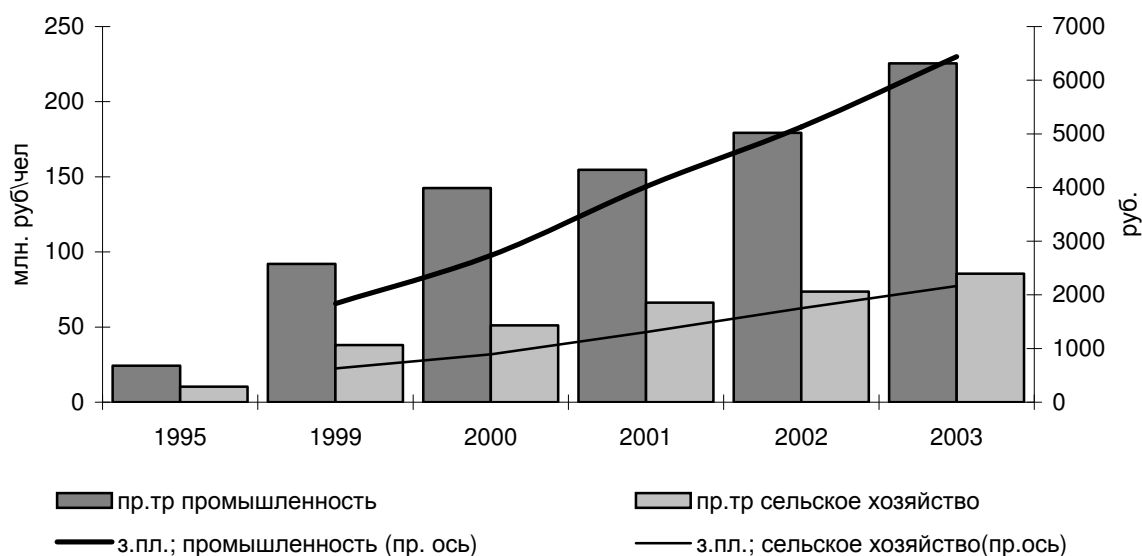
Падение производительности труда в аграрном секторе сопровождалось также и резким относительным падением заработной платы. Если в предреформенный период заработная плата в сельском хозяйстве составляла более 95% среднего уровня заработной платы по народному хозяйству, то в 2004 г. это соотношение составило 41% [Труд и занятость... 2006].

Уровень реальной заработной платы в первые годы реформ упал во всей экономике, но в аграрном секторе он опустился заметно ниже. В период восстановительного роста после кризиса 1998 г. рост реальных доходов начался во всей экономике. В среднем к 2004 г. уровень заработной платы в реальном исчислении составил почти 70% по сравнению с дореформенным периодом, в сельском хозяйстве он не достигает и 30%. Среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве ниже, чем в любой другой отрасли экономики.

Отставание заработной платы в сельском хозяйстве от заработной платы в экономике в целом широко известно. Но при этом редко анализируется качество труда в сельском хозяйстве, которое может быть определяющим в уровне заработной платы.

Рассчитаем производительность труда в сельском хозяйстве и в промышленности, разделив валовую добавленную стоимость сектора (оцененную на основе национальных счетов) на численность среднегодовых занятых соответственно. По уже обсужденным выше причинам в сельскохозяйственной занятости учтены не все реально занятые в производстве добавленной стоимости, причем для промышленных отраслей неучтенная занятость будет, скорее всего, ниже, чем для сельского хозяйства. В силу того, что в промышленности может присутствовать сильный фактор неформальных, так называемых «конвертных» выплат работникам, а в сельском хозяйстве натуральная часть оплаты труда оценивается не по рыночным ценам, а по себестоимости, то показатели заработной платы официальной статистики могут быть смещенными, причем в разной степени. Однако для определения смещенности оценки заработной платы в промышленности и в сельском хозяйстве у нас нет позитивной гипотезы, поэтому будем исходить из того, что официальные данные более или менее точно отражают этот параметр. И, наконец, нужно иметь в виду, что для аграрного сектора заработная плата отражает оплату труда только в сельскохозяйственных организациях, тогда как производительность труда рассчитана для всего сектора. Выше было показано, что в сельхозорганизациях производительность труда выше, чем у других производителей. Тем не менее, несмотря на указанные статистические проблемы, сопоставление таким образом оцененной производительности труда с заработной платой дает некоторое представление о зависимости цены рабочей силы от ее производительности (**Рис 4**). На рисунке видно, что движение заработной платы напрямую коррелирует с производительностью труда.

Рис 4 Сравнение заработной платы и производительности труда (по валовой добавленной стоимости) в промышленности и сельском хозяйстве (текущие цены)

Источник: Рассчитано по [Российский статистический ежегодник 1999, 2003, 2004; Труд и занятость 2006]

В литературе принято считать мощным источником неформальной занятости в селе такой рудимент советского строя, как ЛПХ [например, Гимпельсон 2004]. Производство сельскохозяйственной продукции для подсобных целей в домашнем хозяйстве принято относить к деятельности по выживанию семьи. В. Гимпельсон называет ее даже альтернативой «либо экономической неактивности, либо хронической безработице (но не занятости в формальном секторе)» [Там же, с. 147]. Приведенные нами расчеты по снижению производительности труда в сельской местности подтверждают этот вывод: действительно, переток занятых из сельхозпроизводства в ЛПХ привело к падению производительности труда в секторе в целом. Тем не менее, нужно принимать во внимание и другой фактор: часть этой неформальной аграрной занятости в хозяйствах населения является скрытой формой фермерства, т. е. мелкого товарного производства.

На данных пробной переписи в 6 районах трех регионов Российской Федерации (Краснодарского и Красноярского краев и Пензенской области), проведенных Росстатом в 2004 г., нами построено распределение хозяйств населения в сельской местности по валовому производству сельскохозяйственной продукции. Как показали расчеты, от 45 до более 70% хозяйств по рассмотренным районам дают менее 5% валовой продукции соответствующего района, их доля в суммарном поголовье и площади крайне незначительна (Таблица 1). Такие ЛПХ вряд ли можно признать сферой экономической активности, это сфера домашнего хозяйства. С другой стороны, среди ЛПХ есть часть крупных производителей. Так, в среднем по районам пробной переписи 10% самых крупных по валовому производству ЛПХ дают 50% всей валовой продукции хозяйств населения района. В среднем по выборке такие хозяйства имеют около 0,6 га земли, около двух голов КРС, свиней и 50 голов птицы [Серова, Тихонова 2006]. Эти ЛПХ уже в силу своих физических размеров не могут быть подсобными, явно производят на рынок, ориентированы на спрос, возможно, привлекают дополнительную рабочую силу. И это, безусловно, неформальная занятость, причем как собственно владельцев этих ЛПХ, так и привлекаемой ими рабочей силы.

Таблица 1. Характеристика потребительских* личных подсобных хозяйств в выборочных районах (2004)

Номер района	Доля потребительских ЛПХ в общем кол-ве ЛПХ	Доля потребительских ЛПХ в общей площади сельхозугодий в ЛПХ	Доля потребительских ЛПХ в общем поголовье в ЛПХ				
			КРС	Свиньи	Овцы	Козы	Птица
Красноярский край							
1.	61,97	2,84	9,51	15,18	6,75	15,08	25,71
2.	71,46	4,39	13,36	28,35	6,51	37,38	47,36
Краснодарский край							
3.	72,83	42,22	0,00	0,26	19,88	44,14	42,73
4.	42,20**	17,70	0,00	0,00	0,65	9,26	11,46
Пензенская область							
5.	45,5	18,6	0,0	0,8	1,2	9,6	0,0
6.	45,6	20,0	0,0	2,3	1,3	5,1	18,9

* дающие менее 5% валовой продукции сельского хозяйства соответствующего района

** первичные данные по этому району не совсем надежны (возможны, ошибки первичной переписи)

Источник: [Серова, Тихонова 2006]

Таким образом, принятая в статистике, законодательстве и российской литературе группа «личные подсобные хозяйства» крайне негетогенна, в ней есть и крупные рыночно ориентированные производители, фактически сопоставимые с фермерами по уровню производства и не регистрирующие свое хозяйство как фермерское по соображениям правового и экономического характера, а есть значительная доля (существенно более значительная, чем первая часть), носящая исключительно подсобный характер, производящая ничтожно малую долю продукции сектора и которая вообще не должна рассматриваться как форма экономической активности населения.

При этом необходимо осознавать, что ситуация резко отличается по регионам, что видно из Таблица 1, а также различных исследований. В средней полосе России до трех голов молочных коров имеют более 80% сельских ЛПХ, $\frac{3}{4}$ имеют до 20 соток земли [Серова, Тихонова 2006]. Такие размеры хозяйств не позволяют их рассматривать как рыночно ориентированные, в своем большинстве они являются подсобными, направленными на поддержку семейного бюджета в условиях низкой заработной платы в других сферах занятости (или отсутствия этой занятости вообще).

В южной части России хозяйства заметно крупнее. В 1997 г. более 20 соток имели в своем распоряжении 44% ЛПХ Ростовской области, а почти 8% – более 40 соток. Товарность хозяйств населения в этой зоне также существенно выше – не реализовали свою продукцию только чуть более $\frac{1}{3}$ ЛПХ, а 7% имели товарность более 50% [Кузнецов *et al* 1998]. В Астраханской области есть ЛПХ, обрабатывающие до 25 га земли и имеющие до 50 голов скота⁵.

Помимо неформальной занятости в ЛПХ в сельской местности, безусловно, присутствует неформальная занятость и в других сферах экономической деятельности – рыболовство, охота, сбор и реализация дикоросов, сдача в наем помещений, транспортные и бытовые, жилищно-коммунальные услуги. Однако эта сфера мало изучена, к тому же представляет собой существенно менее заметный источник дохода в сельской экономике в целом.

Проблема избыточности рабочей силы в современном российском селе

⁵ Интервью в Минсельхозе Астраханской области. 2005 г. Центр АПЭ.

Официальный уровень безработицы в сельской местности довольно низкий по сравнению со средним уровнем по стране. В то же время все исследователи отмечают, что сельские жители просто не регистрируются как безработные по разным причинам, фактическая же безработица составляет по разным оценкам 27–37% [Овчарова, Пилиняк 2003; Панков 2002; Фадеева 2001].

Одним из индикаторов избыточности работников в сельхозпредприятиях, наследовавших советским колхозам и совхозам, является тот факт, что при приходе нового, эффективного менеджмента в большинстве случаев резко сокращается штат работников. Во-первых, сокращение аграрного производства должно само по себе вести к высвобождению избыточного труда, во-вторых, рост производства происходит при резком повышении капиталоемкости аграрного производства, что ведет за собой еще большее сокращение спроса на труд в сельском хозяйстве. С другой стороны, снижение качества человеческого капитала села является фактором еще большего стремления предпринимателей и менеджеров к замещению труда капиталом.

Трудоизбыточность села позволяет принимать работников на короткий срок, легко увольнять и нанимать новых работников. Оборот кадров резко нарастает в последние годы.

Трудоизбыточность в сельской местности имеет не только абсолютный, но и структурный характер. При абсолютном избытке рабочих рук в селе многие работодатели жалуются на нехватку квалифицированных работников.

В рамках российско-американского исследования *BASIS*⁶ в 2002 г. был проведен опрос в трех областях России – Ростовской, Нижегородской и Ивановской. Отобранные области характеризуются различными природно-климатическими условиями, различной специализацией сельскохозяйственного производства, а также существенно разнятся по глубине и характеру реформирования сельского хозяйства. В каждой из трех областей было отобрано по одному району, прилежащему к областному центру, одному среднеудаленному району и одному удаленному району. В указанных районах опрашивались все действующие на территории района сельхозпредприятия. Опрос проводился в ноябре–декабре 2002 г. по данным 2001 г. Одной из целей исследования было также изучение труда как фактора аграрного производства.

Этот проект показал, что треть сельхозпредприятий нуждается в постоянных работниках почти 1/5 – во временных (Таблица 2). В явном виде избыток постоянных работников диагностирует только 10% руководителей сельхозпредприятий. Фермеры не несут на себе бремя социальной ответственности по содержанию избыточных работников в своем хозяйстве – у них нет избытка работников, хотя отмечается и незначительная нехватка работников.

Таблица 2. Оценка обеспеченности рабочей силой сельхозпредприятий и фермерских хозяйств* (в % к опрошенным)

⁶ Российско-американский исследовательский проект «Рынки факторов аграрного производства в России», реализованный в 2001–2004 гг. в рамках программы поддержки и сотрудничества *BASIS (Broadening Access and Strengthening Input Market Systems)* и финансируемый USAID. В рамках проекта были проведены опросы в 144 сельхозпредприятиях трех областей: Ивановской, Нижегородской и Ростовской. Опросы проводились по состоянию на 2001 г. Соруководителями проекта являются Е. Серова и Б. Гарднер (Мерилендский университет). Компонент по исследованию рынка труда в сельском хозяйстве реализуется под руководством В. Богдановского (ВНИЭТУСХ) (Более подробно о проекте см.: [Вопросы экономики 2005. № 6; Comparative Economic Studies 2005: www/iet.ru/afe]).

	сельхозпредприятия	фермерские хозяйства
Постоянных работников:		
Достаточно	55,0	92,5
Имеется излишек	10,5	-
Имеется недостаток	34,5	5,3
в том числе:		
механизаторов	27	Н.д.
животноводов	22,5	Н.д.
специалистов	15	Н.д.
Временных (сезонных) работников:		
Достаточно	65,5	74,0
Имеется излишек	1,4	0,4
Имеется недостаток	19,0	5,7
в том числе:		
разнорабочие	14	Н.д.

* результаты опроса 2002 г.

Источник: [Богдановский 2003].

В чем же причина, по которой работодатели в сельском хозяйстве не могут привлечь недостающую рабочую силу? Ответы на этот вопрос распределились следующим образом (Таблица 3).

Таблица 3. Причины невозможности привлечь необходимую рабочую силу в сельхозпредприятия*

Причина	Доля ответивших в %
отсутствие жилья	23,9
более высокая заработная плата у других работодателей в ближайшем городе (поселке)	18,3
отсутствие работников без вредных привычек	14,8
более высокая заработная плата у других местных работодателей	13,4
отсутствие работников трудоспособного возраста	7,7
недостаточная квалификация работников	3,5

* результаты опроса 2002 г.

Источник: [Богдановский 2003].

Как видно из приведенных данных, почти в трети случаев невозможность привлечь работников нужной квалификации связана с более высокой заработной платой у конкурирующих работодателей, и почти в четверти случаев – из-за отсутствия жилья. В более четверти случаев причиной является низкое качество предлагаемой рабочей силы. При этом и по этим данным можно заключить, что у сельхозпредприятий преобладают не квалификационные требования к рабочей силе, а дисциплинарные. Эти данные свидетельствует о том, что низкокачественная рабочая сила в сельской местности присутствует всегда, но конкурировать за квалифицированного работника заработной платой и условиями жизни (выраженными прежде всего в наличии жилья) сельское хозяйство не может.

Но и в случае избытка работников сельхозпредприятие также не свободно в избавлении от этого излишка. В том же опросе в трех областях России руководители сельхозпредприятий, которые имеют излишнюю рабочую силу, отметили, что не увольняют избыточных работников в 70% случаев по причине неизбежного ухудшения материального положения семей уволенных, в 49% – из-за сезонности производства (резервирование работников для сезонных работ), в 35% по причине возможного усиления воровства, пьянства и ухудшения криминальной обстановки в селе [Богдановский 2003].

Все три причины свидетельствуют о том, что аграрное производство – это главный источник дохода в сельской местности, и бремя поддержания доходов сельских жителей ложится на сельскохозяйственные предприятия. Иными словами, сельхозпредприятия платят своим работникам не заработную плату в ее истинном экономическом смысле, но некую среднюю между заработной платой и пособием по безработице.

Все это свидетельствует о крайне низком уровне развития рынка труда в сельской местности: с одной стороны, избыточное предложение, не абсорбируемое местной экономикой, ограничения на маятниковую миграцию этой избыточной рабочей силы на другие рынки труда (пространственная рассредоточенность и неразвитость коммуникационной системы в селе), вынужденное содержание избыточной рабочей силы в сельхозпредприятиях, а с другой стороны, – нехватка квалифицированной рабочей силы в тех же сельхозпредприятиях, содержание сезонно востребованных работников на постоянных ставках.

Таким образом, неразвитость рынка труда в сельской местности порождает порочный круг, в котором как в извечной проблеме *ab ovo*, не известно, что является началом. Низкая заработная плата в сельском хозяйстве и низкий уровень жизни в сельской местности, необходимость содержать излишних работников для избежания потерь для собственного бизнеса – все это не позволяет привлечь в аграрное производство квалифицированную рабочую силу, и, следовательно – увеличить его эффективность. Низкая эффективность аграрного производства не позволяет повысить заработную плату сельскохозяйственным работникам, что могло бы индуцировать спрос на услуги и тем самым, сформировать дополнительные рабочие места в сельской местности. Новые же рабочие места в сельской местности – это возможность освободиться от избыточной рабочей силы для сельхозпредприятий и повысить заработную плату оставшимся работникам. Рост доходов как сельхозпредприятий, так и населения, а также возникновения сферы услуг – это рост налоговых поступлений в муниципальный бюджет и, значит – возможности для социального развития территории, повышения уровня жизни на этой территории, что создает предпосылки для привлечения квалифицированной рабочей силы.

Для оценки эффективности использования труда в сельском хозяйстве можно применить аппарат оценки аллокативной эффективности. Теория говорит о том, что в условиях совершенного рынка в эффективной точке предельная стоимость фактора (*MFC*) равна предельному стоимостному продукту этого фактора (*VMP*). Нас интересует фактор труда. При предположении отсутствия монополии на рынке сельского труда можно считать, что наниматели в сельском хозяйстве являются *price takers* при найме своих работников, поэтому можно далее предположить, что предельная стоимость труда равна средней заработной плате (*W*). При этом мы также предполагаем однородность труда. Если сельхозпроизводители применяют труд эффективно с точки зрения распределения затрат на все ресурсы, то должно выполняться условие:

$$W = MP$$

где *MP* – предельный продукт труда, *W* заработная плата.

Если $W > MP$, то работодатели привлекают больше труда, чем это эффективно, то есть труд избыточен, если $W < MP$ – то для работодателя есть смысл привлекать еще так как расходы на этот дополнительный труд будут все еще меньше продукта, вырабатываемого этим трудом, то есть труд недоиспользуется. В любом случае это состояние неэффективное с точки зрения распределения бюджета на производственные ресурсы.

Для оценки предельного продукта труда воспользуемся формулой определения эластичности:

$$dY/dX: Y/X = \varepsilon,$$

или

$$MP:AP = \varepsilon,$$

или

$$MP = \varepsilon * AP$$

где AP – средний продукт труда, или средняя производительность труда, ε – коэффициент эластичности.

В последние годы проведено довольно много исследований, связанных с построениями производственных функций в российском сельском хозяйстве. Все они базируются на разных данных – официальных или данных обследований, используют функции Кобба-Дугласа. Эти исследования позволяют оценить эластичность труда в аграрном секторе. В **Таблица 4** показаны некоторые из последних оценок эластичности в 5 исследованиях. За исключение исследования В. Узун во всех этих работах строились функции валовой продукции сельского хозяйства. Показатели эластичности довольно сильно различаются – от 0,4 до 0,7, что может быть объяснено разными выборками, разными рассматриваемыми периодами.

Таблица 4. Показатели эластичности труда в производственных функциях в сельском хозяйстве

Исследование	Показатель эластичности	Особенности модели
Гражданинова, Лерман (2005)	0,401	Функция валовой продукции Кобба-Дугласа 2001 г. 144 сельхозпредприятий в 3 областях данные выборочного обследования труд оценен количеством занятых
Узун (2004)	0,71	Функция выручки Кобба-Дугласа 2001 г. данные Госкомстата труд оценен количеством занятых
Богдановский (2005)	0,707	Функция валовой продукции Кобба-Дугласа 2001 г. 120 сельхозпредприятий в 3 областях данные выборочного обследования труд оценен среднегодовой численностью работников
Osborn & Trueblood (2002)	0,493	Функция валовой продукции растениеводства Кобба-Дугласа 1995–1998 гг. 70 регионов данные Госкомстата труд оценен как количество человеко-дней на производстве растениеводческой продукции

Воспользуемся этими показателями эластичности для расчета предельной отдачи труда в российском сельском хозяйстве и сопоставления его с номинальной заработной платой. В **Таблица 5** показан этот расчет. Так как статистический мониторинг заработной платы существует только в сельхозорганизациях, то для расчета возьмем численность занятых в сельскохозяйственном производстве в сельхозорганизациях. Средний продукт их труда оценим через валовую продукцию сельхозорганизаций. Это будет средний годовой продукт. При делении его на 12 месяцев получаем месячный средний продукт. При умножении этого показателя на разные показатели эластичности получаем разные оценки предельного продукта труда (в мес.), который мы сравниваем со средней по сельхозорганизациям месячной заработной платой. Из таблицы видно, что при всех

приведенных эластичностях номинальная заработная плата ниже предельного продукта. Предпоследняя строка таблицы показывает соотношение номинальной заработной платы и минимального оцененного предельного продукта. Как видно, даже при самой низкой оценке предельного продукта заработная плата составляет 30–50% от предельного продукта. В последней строке приведены официальные ставки налогов на заработную плату, которые уплачивал работодатель в соответствии с действовавшим на тот период законодательством.

Таблица 5. Сопоставление предельного продукта труда и номинальной заработной платы в сельском хозяйстве

	единицы	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
ВПСХ сельхозорганизаций*	млрд.руб	102,3	140,7	143,7	120,7	249,8	335,9	421,9	409,9	459,9
Занятые в сельхозорганизациях, в сельхозпроизводстве*	млн человек	5,8	5,4	5	4,6	4,4	4,1	3,7	3,4	2,9
Производительность (средний продукт)**	тыс. руб./чел. в мес.	1,5	2,2	2,4	2,2	4,7	6,8	9,5	10,0	13,2
Предельный продукт при разных эластичностях***	тыс. руб./чел.									
0,401		0,6	0,9	1,0	0,9	1,9	2,7	3,8	4,0	5,3
0,493		0,7	1,1	1,2	1,1	2,3	3,4	4,7	5,0	6,5
0,707		1,0	1,5	1,7	1,5	3,3	4,8	6,7	7,1	9,3
0,71		1,0	1,5	1,7	1,6	3,4	4,8	6,7	7,1	9,4
Номинальная зар. Плата в мес.*	тыс. руб. в мес.	0,237	0,22	0,439	0,468	0,629	0,891	1,306	1,752	2,164
Зарплата в % к предельному продукту труда (минимальному)		40,2	25,3	45,7	53,4	33,2	32,5	34,3	43,5	40,8
Социальные начисления на зарплату в с/х (%) ****		20,6	20,6	20,6	20,6	20,6	20,6	20,6	20	20

* данные Росстата

** = ВПСХ/занятые/12 мес.

***=Производительность*ε

**** данные соответствующих нормативных документов

При наших предпосылках (совершенный рынок и гомогенный труд) такое расхождение должно означать недоиспользование труда. На совершенном рынке полученный результат может быть следствием трех ситуаций:

неверно полученные оценки используемых параметров;

сельское хозяйство недоиспользует рабочую силу;

номинальная заработная плата не отражает стоимость труда для нанимателя в сельском хозяйстве.

Опасность получения оценок возможна при любом эконометрическом анализе. Поэтому в данной работе мы используем оценки разных авторов, полученные при работе с различными статистическими базами, для разных лет и с отличающимися эмпирическими моделями. Это не дает полной гарантии достоверности результатов, но вероятность ошибки заметно снижается.

Вывод о недоиспользовании рабочей силы в сельском хозяйстве противоречит сложившемуся представлению о трудоизбыточности этого сектора национальной экономики. С другой стороны, если мы рассматриваем более или менее совершенный рынок, избыточное предложение товара приводит к падению его цены, что, собственно говоря, мы и наблюдаем на рынке сельскохозяйственного труда – заработная плата падает все годы реформ в реальном исчислении. Но это означает также, что при такой низкой цене труда сельхозпроизводители должны стремиться к замещению других факторов

производства именно трудом. Зачем покупать дорогостоящую технику, когда есть масса почти даровой рабочей силы? Тем не менее, менеджеры стремятся к насыщению своего производства высокопроизводительной, предпочтительно импортной, техникой. Наиболее интенсивно развивающиеся производители непрерывно инвестируют в основные фонды своих предприятий. С другой стороны, многие исследования показывают, что применение сельхозтехники в российском сельском хозяйстве избыточно [Bezlepkina 2004; Серова, Шик 2006]. Иными словами, полученный результат говорит об аллокативной неэффективности в российском сельском хозяйстве: менеджеры в массовом порядке модернизируют свои предприятия вместо того, чтобы использовать дешевую рабочую силу, предельная отдача которой намного выше ее стоимости.

Однако в такое нерациональное поведение наиболее эффективных менеджеров сектора (причем в массовом порядке) верится с трудом. Еще Либенштейн писал о том, что аллокативная неэффективность вносит не более 10% в общую экономическую неэффективность [Liebenstein 1966]. Вряд ли в России эта закономерность нарушается. Скорее всего, ситуация на практике складывается по третьему сценарию: оплата труда, со всеми начислениями и дооценками на натуральные выплаты не отражает реальной стоимости труда для нанимателя.

Во-первых, это расхождение объясняется налогами на заработную плату, так как они входят в стоимость труда для нанимателя. Данные налоги объясняют около 20 процентных пунктов расхождения (Таблица 5). Натуральная оплата труда по текущему российскому законодательству включается в официально регистрируемую оплату труда. Можно допустить, что оценка натуральной части оплаты труда происходит по заниженным ценам. Доля натуроплаты не превышает 25% всей оплаты труда. Если предположить, что эта часть оплаты труда недооценивается на 10–20%, то это объясняет еще 2–5 процентных пункта расхождения между заработной платой и предельным продуктом труда (минимальным). Кроме того, работодатель во всей российской экономике вынужден нести дополнительные расходы на рабочую силу помимо прямых выплат на оплату труда – на обеспечение работников жильем, их обучение и т. д. (Таблица 6). В среднем по экономике затраты на рабочую силу помимо социальной защиты составляют от 4 до 11% общих затрат на рабочую силу, причем эта доля год от года сокращается. Данных о том, сколько такого рода затрат несут работодатели в сельском хозяйстве нет, но эмпирические наблюдения говорят о том, что эти расходы довольно велики и они могут объяснять оставшуюся необъясненной разницу.

Таблица 6. Структуры затрат организаций на рабочую силу (%)

	Затраты всего	В том числе					
		заработная плата	расходы по обеспечению работников жильем	Расходы на социальную защиту	расходы на профессиональ ное обучение	расходы на культурно- бытовое обслуживание	прочие расходы
1995	100	60,5	4,6	28,3	0,3	3,3	3
1996	100	59,7	3,5	29,9	0,4	3,5	3
1998	100	63,2	2	30,2	0,3	1,5	2,8
2000	100	65,8	0,7	29,4	0,3	1,1	2,7
2002	100	71,8	0,5	24,4	0,3	1	2

Источник: [Труд и занятость... 2006]

Действительно, низкое качество рабочей силы, как уже отмечалось, ведет к тому, что эффективные собственники стремятся к замещению труда капиталом, более интенсивной технологией. Эти технологии требуют более квалифицированной рабочей силы. Собственник в этих условиях вынужден инвестировать в подготовку и

переподготовку рабочей силы, с одной стороны, а с другой – создавать привлекательные условия жизни в сельской местности для привлечения городских работников.

Так, в 2002 г. Центр АПЭ совместно с ВНИИПиН (Ростов/Д) провели опрос 14 агрохолдингов Ростовской области [Храмова 2003]. После кризиса 1998 г. агрохолдинги стали главными инвесторами в сельское хозяйство, поэтому характеристика их поведения отражает поведение наиболее продвинутого менеджмента в аграрном секторе. Результаты опроса показали, что 8 из 14 опрошенных компаний в той или иной форме финансировали обучение своих работников, еще одна компания вела специальную программу отбора кадров, три компании осуществляли жилищное строительство для своих работников. Наши интервью со многими собственниками и менеджерами эффективных сельхозпредприятий в Пермской и Тюменской области показали, что их компании оплачивают своим работникам лечение алкоголизма.

Неформальные интервью с руководителями крупнейших хозяйств страны также показали, что примерно 10% себестоимости таких компаний уходит на охрану (агрохолдинги иногда имеют собственные охранные предприятия для этой цели). В ряде регионов для поддержания сельской занятости сельхозорганизации вынуждены сохранять рабочие места административными методами. Оплата работников, объективно не нужных для производства, также завышает суммарные расходы организации на рабочую силу.

Иными словами, незарплатная часть (включая налоги на заработную плату) расходов сельхозорганизаций на рабочую силу может быть существенно выше, чем в экономике среднем, как это отражено в Таблица 6.

Однако все предшествующие суждения исходили из предпосылки отсутствия монополии работодателя на сельском рынке труда. На деле это, конечно, не так. Во многих случаях сельхозпредприятия являются единственными работодателями в деревне и, таким образом, будучи монополистическим агентом, имеют возможность занижать заработную плату по сравнению с ее равновесным уровнем. Пространственная отдаленность сел от городских рынков труда, неразвитость транспортной инфраструктуры, а главное – более низкое качество сельского труда – не создает конкуренции за работников и тем самым, формирует монополию сельхозпредприятия по предложению работы. Главной альтернативой найму в сельхозпредприятии в деревне остается ЛПХ.

Определить без дополнительных исследований, в какой мере разница в предельном продукте труда и в заработной плате объясняется монопольной ситуацией, а в какой – высокими расходами работодателей на труд, не представляется возможным. Но независимо от причин этой разницы, очевидно, что отсутствие альтернативной занятости в сельской местности является одной из важнейших причин низкой заработной платы в аграрном секторе, низкого уровня жизни в селе и низкой производительности труда в сельскохозяйственном производстве.

Альтернативная занятость в сельской местности

Таким образом, альтернативная занятость в сельской местности – это одно из необходимых условий как роста эффективности в аграрном секторе, так и сокращения феномена сельской бедности.

Доходы сельских домохозяйств от неаграрной занятости растут во всем мире [см. например, *Gale Johnson* 1991; *Davis* 1993; *Start*]. Несельскохозяйственные источники занимают около 40–45% доли доходов в сельской местности в Латинской Америке и странах, южнее Сахары, 30–40% в Южной Азии и 40–50% в странах Центральной и Восточной Европы. В странах ОЭСР несельскохозяйственные доходы фермеров уже преобладают над сугубо сельскохозяйственными доходами.

При исследовании несельскохозяйственной занятости в сельской местности встает проблема ее определения.

В мировой литературе несельскохозяйственная занятость – это, вообще говоря, занятость вне собственной фермы, *off-farm employment*. Различия в подходе к определению в литературе – это включение или не включение в это определение занятости в сельском хозяйстве вне собственной фермы, а также отнесение или не отнесение к сельскому хозяйству таких видов экономической деятельности как рыболовство и охота.

Для России, как и большинства других постсоциалистических стран, понятие альтернативной занятости должно, по-видимому, определяться несколько иначе.

В чем смысл этого понятия применительно к транзитному сельскому хозяйству? Рост производительности труда в аграрном секторе ведет к снижению спроса на сельскохозяйственный труд вообще, к росту спроса на квалифицированную рабочую силу. Поэтому маргинальные работники должны найти себе альтернативные источники дохода. С этой точки зрения и подойдем к определению альтернативной занятости в нашей работе.

Во-первых, в отличие от прочих стран в посткоммунистических странах в селе преобладает наемный, а не семейный труд в рамках собственного фермерского хозяйства. Если в классическом аграрном секторе работа в найме на чужой ферме – альтернативная занятость, то в постколлективной деревне ситуация обратная: столкнувшись с падением заработной платы в своем сельхозпредприятии или даже с увольнением, работник в большинстве случаев (как это было показано выше на примере России) вынужден вести собственное (подсобное или коммерческое) хозяйство, производить ту же аграрную продукцию, что и крупное предприятие, только, как правило, на более низком уровне производительности. Поэтому альтернативная занятость в данном случае не может быть определена как занятость вне собственного предприятия.

Во-вторых, ЛПХ вообще – это не альтернативная занятость, это та же занятость в сельском хозяйстве, только в другой форме. Если работник, уйдя из крупного сельхозпредприятия, специализировавшегося на производстве молока, в своем хозяйстве также производит молоко, то это не альтернатива в том смысле, что это молоко попадает на тот же рынок. Даже если этот работник не продает молоко, а потребляет его внутри своей семьи, то на эту часть сокращается общий спрос на молоко на соответствующем рынке. Однако, если он начинает производить, например, козий пух или ягоды, или откармливать гусей или свиней, то в данном конкретном случае возникает некая альтернатива. Эти продукты поступают на нишевый рынок, который либо уже существовал *a priori*, либо был создан этим производством *aposteriori*. Даже несмотря на то, что эта деятельность также аграрная, но она альтернативна по сравнению с той, в которой возник переизбыток труда.

В-третьих, не вся несельскохозяйственная занятость в сельской местности может рассматриваться как альтернативная. Так, есть некие инвариантные виды занятости, спрос на труд в которых не зависит (по крайней мере, непосредственно) от ситуации на рынке сельскохозяйственного труда. Это занятость в сфере социальных услуг – медицине, образовании, социальных службах, а также в государственном и муниципальном управлении. Безусловно, спрос на эти услуги зависит от численности населения, которая, в свою очередь, в сильной мере зависит от эффективности основного, селообразующего предприятия, как правило – сельскохозяйственного. Но возможности абсорбировать избыточный сельскохозяйственный труд в этих сферах занятости очень и очень лимитированы. Поэтому эти сектора не следует включать в понятие альтернативной занятости.

Определим *альтернативную занятость* как занятость сельского населения в трудоспособном возрасте несельскохозяйственными видами экономической деятельности за исключением социальных услуг и государственного и муниципального управления, а также нишевыми видами сельскохозяйственной занятости. Очевидно, что такая занятость может быть постоянной и временной, может быть основной и дополнительной, формальной и неформальной. Как было определено выше, основная проблема сельского рынка труда – это необходимость резкого повышения производительности аграрного производства при поддержании уровня занятости и росте общих доходов в сельской местности. С этой точки зрения наиболее важна постоянная и формальная альтернативная занятость.

В таком аспекте проблема сельской занятости в России не изучалась. В основном исследования посвящены структуре доходов сельского населения и выявлению несельскохозяйственных источников. Эти исследования показывают, что помимо ЛПХ сельское население подрабатывает предоставлением услуг односельчанам – строительство, вспашка огородов, транспорт, сбор и реализация дикоросов (грибов, ягод, лекарственных трав, корней), охота и рыболовство, сдача в наем жилых и нежилых помещений. В последние годы появилось такое явление как сельский туризм, который включает в себя комплекс услуг – сдачу жилья в наем, предоставление полного или частичного пансиона, развлекательные услуги (катание на лошадях, баня, охота, демонстрация этнических традиций и пр.). Пока в подавляющем числе случаев эта деятельность является дополнительной, временной и неформальной.

В литературе определяют две группы факторов, оказывающих влияние на несельскохозяйственную занятость. Это факторы спроса (*demand-pull factors*) и факторы нужды (*distress-push factors*) [например, Davis 1993; Buchenrieder et al 2001; Start... 2001]. Факторы спроса описывает ситуацию, когда для занятых в сельском хозяйстве появляется выгодная возможность занятости в несельскохозяйственном секторе. Фактор нужды описывает ситуацию, когда недостаточные доходы в сельском хозяйстве заставляют искать другой дополнительный низко оплачиваемый источник в несельскохозяйственном секторе. Иными словами сельское население переключается на неаграрные виды деятельности под давлением двух факторов: либо спрос на результаты этой деятельности ведет к росту доходов от нее сверх уровня дохода от сельского хозяйства, либо население ищет возможные дополнительные источники дохода в условиях нужды.

Описанные выше виды занятости в селе чаще всего развиваются под влиянием факторов нужды, но определенная институционализация этих видов деятельности все же происходит.

Интерес представляет не только доля альтернативной занятости в общей сельской занятости, но является ли эта занятость вынужденной формой выживания семей, или она мотивируется факторами спроса. Имеющиеся исследования не дают представления о том, в какой мере развитие новых видов альтернативной занятости вызвано первой, а в какой мере – второй группой факторов. В определенной степени факторы спроса можно оценить по институционализации новых видов занятости. Так, занятость сельского населения в несельскохозяйственных отраслях, безусловно, с позиции нашего определения – занятость альтернативная, но по единовременному обследованию трудно оценить тенденции в этих видах занятости: являются ли они традиционными в этой местности или появились как альтернатива аграрному сектору в недавнее время, расширяется или сужается эта занятость.

Очевидно, что возникновение формальных предпринимательских структур, предъявляющих спрос на труд в альтернативных сферах сельской деятельности, может свидетельствовать о возникновении спроса на продукцию и услуги. В этом смысле интересно формирование в стране в целом рынка дикоросов и рынка услуг сельского

туризма. В советское время сбором дикоросов занимался Центропотребсоюз со своими региональными отделениями, развитой системой коллекторной сети и переработки. В годы реформ данная система утратила эту свою функцию, хотя в отдельных регионах потребсоюз продолжает заниматься сбором дикоросов у населения. Однако на месте этой системы возникают новые коммерческие структуры, организующие эту деятельность в национальном масштабе или в масштабах региона (см.: Вставка 1). Эти компании имеют развитую производственную структуру и предъявляют устойчивый спрос на дикоросы, предоставляя тем самым стабильный спрос на поставки для сельского населения соответствующих территорий.

Вставка 1.

Одним из крупнейших заготовителей отечественных дикорастущих ягод является Компания «ГК Фрозен Фудс» Компания поставляет свою продукцию известным российским производителям продовольствия «ПК Ратибор», «Оким-продукт», «Эксоко», «Богучарово-маркет», «Пищехимпродукт», «Талвис», «СПИ-РВВК» и другим. Компания заинтересована в долгосрочных контрактах с поставщиками сырья для своей продукции, но непосредственно со сборщиками не работает.

Компания «Богородская трапеза» основана в 2000 г. и в настоящий момент является крупным производителем грибных и плодоовощных консервов. Выпускает соленые и маринованные, сухие и быстрозамороженные, вареные грибы. Основная производственная база компании находится в Рязанской области и создана на базе Рязского завода. Грибы закупаются на Алтае, Урале и в Сибири.

Карельская компания «Славяне» в 2003 г. основала дочернее предприятие «Ягоды Карелии», специализирующееся на сборе и переработке дикорастущих ягод и грибов. В 2004 г. началось оборудование сокопроизводящего предприятия. В 2005 г. – строительство завода по переработке ягод и грибов в Костомукше. Первая очередь строящегося завода рассчитана на прием, переработку и хранение 3000 т. продукции. В сезон компания разворачивает сеть временных фирменных сборных пунктов. К моменту ввода завода в действие планируется расширить сеть приемных пунктов по территории республики до 20. Есть два районных филиала по первичной переработке продукции.

Крупнейшая продовольственная компания Красноярского края, созданная в середине 1990-х годов, «Каравай» имеет дочернюю фирму ООО «ЕнисейЭкопродукт». Основная сфера деятельности фирмы «ЕнисейЭкопродукт» – сбор, переработка и дальнейшая реализация недревесной продукции леса. Фирма реализуют свою продукцию за рубеж.

Источник: сайты соответствующих компаний

В последние годы в России начал развиваться сельский туризм, который может существовать в очень многообразных формах. Это и небольшие сельские гостиницы, и гостевые дома, для обслуживания которых нанимается персонал из местных жителей; это и оборудование для приема гостей сельских домов, обслуживаемых одной семьей с привлечением или без дополнительной рабочей силы. Целью такого приема приезжих может быть туризм как таковой, а может быть формой предоставления сезонного найма жилья (дача). Возможно сочетание предоставления временного жилья и пансиона, егерских услуг, сдачи в наем оборудования для рыбалки и охоты, прокат лошадей для конных прогулок, экскурсионное обслуживание и т. д. Поэтому аренда жилья одной семьей может иметь мультипликативный эффект в сфере занятости для других семей в данном селе и сельском районе в целом (см.: Вставка 2).

Вставка 2.

Республика Алтай, село Чепош, «зеленый дом» «У Шиловых». Семья сдает для туристов обустроенный дом на 6 спальных мест со всеми удобствами, летом – обеспечение овощами со своего огорода. Владельцы предлагают сопровождение при посещении природных объектов Алтая, сплав по реке Катунь, конные прогулки, фольклорную программу, занятия народными ремеслами, оздоровительные процедуры.

Село Чемал «зеленый дом» за 360 руб./сутки с человека. Семья ведет диверсифицированное фермерское хозяйство и своим постояльцам предлагает свежее мясо, молоко, овощи. Кроме того, предоставляется баня, трехразовое питание.

Источник: <http://www.zeldom.ru/houses>

Информационный центр сельского туризма Калининградской области «АГРОТУР» консолидирует и размещает в Интернете информацию о наличии свободных мест в сельских домах, сдаваемых для туризма, в области. Всего имеется 67 сельских усадеб для размещения. Пример объявления: «Крестьянское хозяйство “МЯЛИК”. Общение с природой, рыбная ловля, незабываемые вечера у костра и камина, прогулки по лесу, общение с домашними животными доставят вам удовольствие. Хозяева с радостью примут вашу помощь при сенокосе или уходе за животными, организуют велосипедные прогулки по окрестностям. Любители “дикого отдыха” могут здесь отдохнуть и в собственных палатках на территории усадьбы»

Источник: <http://www.tourism-kaliningrad.ru/tourism.htm>

Карелия. Частная компания организует посреднические услуги для туристов в регион, с особым упором на рыбалку. Один из предлагаемых вариантов: Зимняя рыбалка на озере Самозеро. Сдается деревенский дом на 3–6 человек со всеми удобствами и баней. Предоставляется аренда снастей и егерские услуги, обработка рыбы, приготовление национальных карельских рыбных блюд.

Источник: http://miroshca.narod.ru/Ribalka2005/Samozero_zima.htm

Опыт оценки альтернативной занятости в сельской местности в Пермской области

Для оценки эффективности социальной политики в сельской местности области в 2002–2004 гг. и для выработки направлений этой политики на среднесрочную перспективу Центр АПЭ и Областное агентство по статистике совместно провели опрос 792 респондентов в 8 районах Пермской области (Бардымском, Еловском, Кишертском, Красновишерском, Куединском, Октябрьском, Уинском, Чердынском). Обследование не преследовало цель выявления альтернативной занятости, однако собранная база данных позволяет оценить некоторые параметры этого явления. Основные характеристики выборки представлены в Таблица 7.

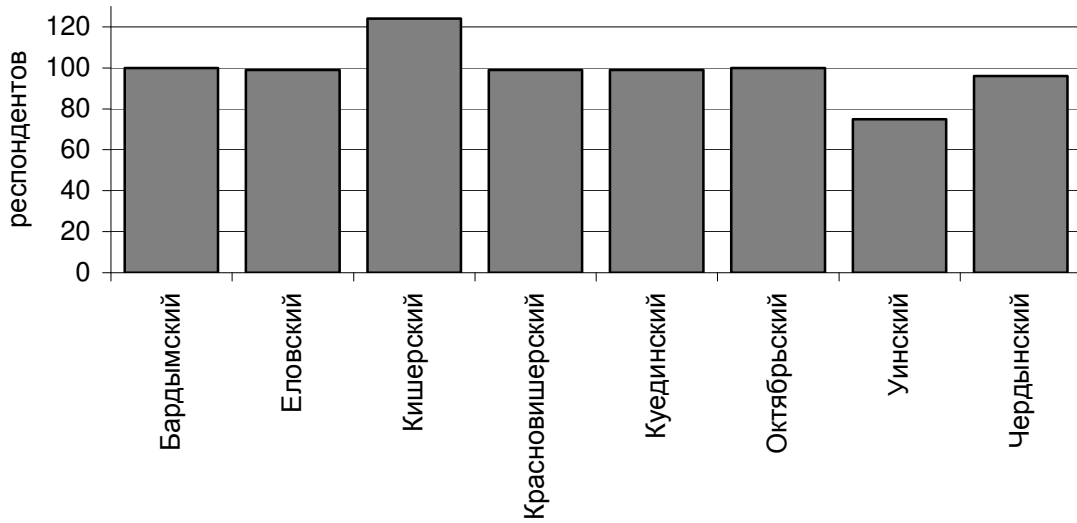
Таблица 7. Характеристика выборки

Средний возраст, лет	44,4
Гендерная структура, %	
Мужчин	24
Женщин	76
Семейное положение, %	
женат(замужем)	73
Разведен	7
Холост	10
Другое	10
Размер семьи, чел.	2,7
Количество иждивенцев	1,7
в т.ч. детей до 16 лет	1,5
Доля семей с иждивенцами, %	63,8
Доля семей с детьми до 16 лет	49,4
Образование, %	
Начальное	10
Среднее	29
среднее специальное	46
неполное высшее	1
Высшее	13
Профессия, %	
сельское хозяйство	37
социальная сфера	25
ЖКХ	6
Промышленность	9
Транспорт	6
Другое	17
Занятость, %	
имею постоянную работу	71
работаю временно	5
подрабатываю от случая к случаю	2
не работаю по найму, но являюсь предпринимателем (в том числе фермером)	1
не работаю по найму, но веду личное подсобное хозяйство	1
не работаю (по инвалидности, по возрасту)	15
не работаю, но ищу работу	5
в том числе более 6 мес.	40
в том числе имею статус безработного	7

Регионы отбирались с заведомо более низким уровнем социально-экономического развития, что обуславливалось задачами обследования. В каждом районе было отобрано случайным образом около 100 респондентов (Рис 5). Часть отобранных респондентов отказалась отвечать на вопросы и их не удалось заместить другими в том же районе, поэтому общий размер выборки чуть меньше предполагавшихся 800 человек и по регионам они распределены несколько менее равномерно, чем первоначально планировалась. На вопросы о личном доходе и своем отношении к уровню развития

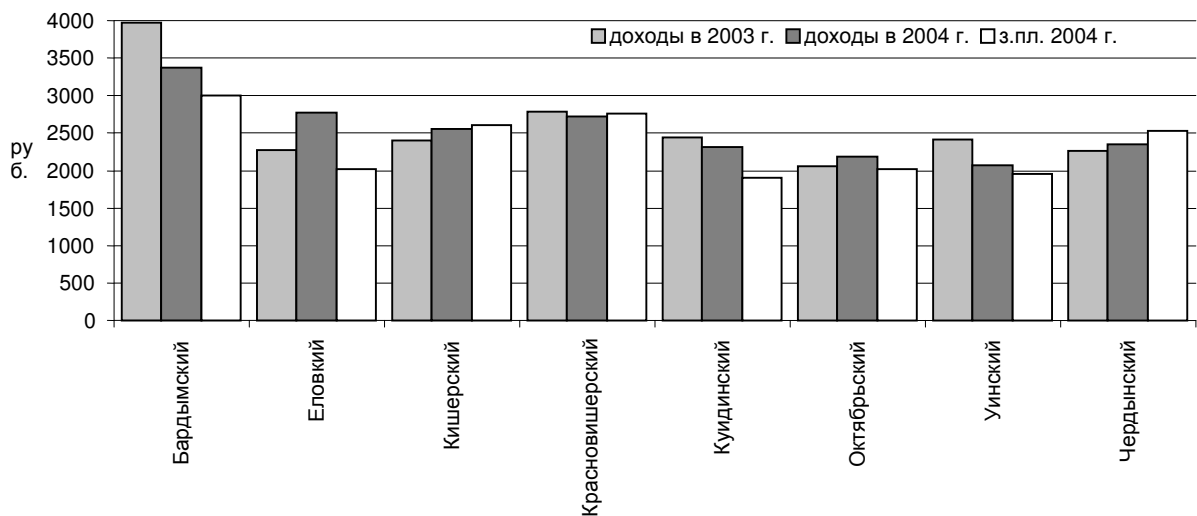
инфраструктуры, об эффективности социальной политики респонденты отвечали от своего имени, о покупках и благосостоянии семьи – о своей семье.

Рис 5 Распределение респондентов по районам

По уровню благосостояния районы выборки более или менее равны, исключение составляет Бардымский район, где средний уровень доходов более высок, чем в среднем по выборке (Рис 6).

Рис 6 Распределение районов выборки по среднему уровню доходов респондентов

Опрос проводился методом интервьюирования. Все респонденты были разбиты на две группы. Во вторую группу отобраны те респонденты, кто указал среди источников своих доходов в 2003 г. сбор грибов и ягод и другие альтернативные доходы (предоставление услуг и пр.). Таких респондентов оказалось всего 50 из 781⁷, или 6,4%. В первую группу включены все остальные респонденты. Предполагается, что представители второй группы – это лица, имеющие альтернативную, неаграрную занятость. Данные рассматриваемого обследования не позволяют выделить эту группу более точным образом, например, занятые в промышленности и прочих неаграрных отраслях, не

⁷ Остальные респонденты не отвечали на вопрос о доходах.

попадают во вторую группу, хотя и заняты альтернативными видами деятельности. Поэтому вычлененная группа – это группа занятых довольно маргинальными видами трудовой деятельности.

Далее были проанализированы основные характеристики респондентов по этим группам, чтобы выяснить факторы, влияющие на занятие данными видами деятельности.

В первую группу вошли более гомогенные по возрасту респонденты, тогда как во вторую – и более молодые и более пожилые, при преобладании молодых, т. к. мода смещена влево по отношению к среднему возрасту (Таблица 8). По образованию ситуация обратная – во второй группе меньше людей с низким и высшим уровнем образования, преобладает среднее и среднее специальное образование, в то время как среди респондентов первой группы больше людей с начальным образованием и с высшим (там же). По семейному статусу (женат-замужем – одинокий) две группы существенно не различаются. Однако в семьях второй группы больше иждивенцев старших возрастов и меньше детей до 16 лет (там же).

Таблица 8. Возрастные, семейные и профессиональные характеристики респондентов по группам

	1 группа	2 группа
Средний возраст, лет	44	44
Модальный возраст, лет	43	38
Среднее количество иждивенцев, чел.	1,7	1,8
Среднее количество детей до 16 лет, чел.	1,5	1,4
Уровень образования, % от соответствующей группы		
Начальное	10,5	4,1
Среднее	27,2	38,8
среднее специальное	46,9	46,9
высшее и неоконченное высшее	14,2	10,2

Следующее распределение показывает, что альтернативные источники доходов ищут в первую очередь лица, занятые от случая к случаю или вовсе безработные, а также те, кто чаще сталкивается с задержками заработной платы. Среди лиц первой группы ниже процент безработных и не имеющих постоянной работы, больше предпринимателей (Таблица 9).

Таблица 9. Распределение по статусу на рынке труда (% от соответствующей группы)

	1 группа	2 группа
Статус по занятости		
постоянно занятые	71,4	62,0
временно занятые	4,3	8,0
занятые от случая к случаю	1,9	10,0
предприниматели, самозанятые	0,7	0,0
занятые исключительно в ЛПХ	1,2	0,0
нетрудоспособные (по возрасту или инвалидности)	15,5	6,0
Безработные	4,9	14,0
Сталкивающиеся с задержкой заработной платы	18	38

Альтернативной деятельностью заняты существенно больше представители сельскохозяйственных, чем прочих специальностей (Таблица 10).

Таблица 10. **Распределение по профессии** (% от соответствующей группы)

	1 группа	2 группа
Сельское хозяйство	34,7	52,0
Социальные услуги	24,5	20,0
Бытовые услуги, торговля, общепит	6,4	8,0
Промышленность и строительство	9,1	8,0
Транспорт и связь	6,3	2,0
Другое	19,1	10,0

По своему денежному доходу вторая группа заметно менее состоятельна, чем первая группа (Таблица 11).

Таблица 11. **Средний денежный доход в месяц**

	1 группа	2 группа
Средний доход, руб.	2606	2397
Модальное значение дохода, руб.	3000	2500

Денежный доход во второй группе был не только ниже на момент обследования, но и имел худшую динамику в предшествующие годы. Материальное положение респондентов второй группы за 2002–2004 гг. в большей мере ухудшалось, чем улучшалось. Соотношение ответов «улучшалось» и «ухудшалось» в первой группе составляет 0,76, во второй группе – 0,32, или иными словами, на каждый случай самооценки об ухудшении материального благосостояния в первой группе приходилось 0,75 случая улучшения благосостояния, во второй группе – только 0,32.

При этом свое материальное положение респонденты второй группы чуть более склонны связывать со своим личным поведением, чем это происходит в первой группе, но существенно больше возлагают ответственность за это на общеэкономическое и социальное положение в стране. При этом в данном ответе не содержится разделения на позитивное и негативное воздействие. Значимо различие между группами в оценке влияния на материальное положение изменений в семейном положении: если в первой группе такое изменение влияло на материальный статус для 28% случаев, то во втором случае это влияние отмечают 40%.

Таблица 12. **Распределение ответов на вопрос «С чем Вы связываете своё материальное положение?»** (% от соответствующей группы*)

	1 группа	2 группа
Собственное поведение	30	34
Поведение близких	14	14
Изменение семейного положения	28	40
Политика муниципальной власти	30	22
Политика региональной власти	33	32
Общее изменение социально-экономического положения в стране	54	64
С судьбой или другими высшими силами	3	2
Другое	7	6

* было возможно три ответа

По самооценке своего материального благосостояния в своей местности вторая группа гораздо чаще относит себя к более бедным и существенно более бедным, чем население в среднем – в 32% случаев по сравнению с 19% для первой группы.

Таблица 13. **Распределение ответов на вопрос «К какой категории Вы относите себя?»** (% от соответствующей группы)

	1 группа	2 группа
Более состоятельный(ая), чем большинство населения в Вашей области	3	4
Как большинство населения в Вашей местности	69	56
Более бедный(ая), чем большинство населения в Вашей местности	14	18
Существенно более бедный(ая), чем большинство населения в Вашей местности	5	14
Не могу оценить	8	8

94% всех респондентов, независимо от группы, хотели бы зарабатывать больше, но только 24% видят такую возможность при сложившихся обстоятельствах. Различия между группами начинаются при оценке основных препятствий для этого (Таблица 14). Для второй группы существенно более значима нехватка начального капитала, высокие налоги и боязнь обструкции со стороны односельчан, чем для респондентов первой группы. Респонденты второй группы по определению уже занимаются некоторой альтернативной деятельностью и оценивают возможности ее расширения с учетом своего опыта. Респонденты первой группы, скорее всего, менее информированы о реальных препятствиях. Так, можно предполагать, что представители второй группы, занимаясь альтернативной деятельностью в селе, сталкиваются с неприязненным отношением односельчан к себе чаще, чем представители первой группы.

Таблица 14. Оценка основных препятствий для повышения денежного дохода (% от соответствующей группы)

	1 группа	2 группа
Нехватка знаний, предпринимательского опыта	30	32
Нехватка денег	66	80
Сложность оформления, регистрации своего предприятия	12	10
Высокие налоги, сборы	24	42
Боязнь криминальной угрозы	4	2
Боязнь неприятия Вашей деятельности со стороны односельчан	3	16
Другое	30	32

Первая группа чаще берет кредиты, особенно в коммерческих банках (Таблица 15). Это также может обуславливать меньшую значимость проблемы денежного дефицита для представителей этой группы для повышения денежного дохода.

Таблица 15. Распределение по получению кредита (% от соответствующей группы)

	1 группа	2 группа
Получение кредита	23	26
в том числе в коммерческом банке	63	46

Респонденты второй группы чаще сдают свой земельный пай в аренду и получают на него арендную плату в 30% случаев. Респонденты первой группы практически не получают платы за использование своего земельного пая – менее одного процента отметили получение арендной платы. Скорее всего, это связано с тем, что подавляющее большинство лиц этой группы работают на постоянной основе и, вероятнее всего, в сельхозпредприятиях. Сельхозпредприятия склонны не выплачивать арендную плату за земельный пай своим работникам. Для тех же, кто не имеет постоянной работы, арендная плата за пай является существенным источником постоянного дохода. Уровень арендной платы за землю одинаков по области и разницы между первой и второй группой по этому показателю нет.

Как уже отмечалась, база данных не позволяет вычленить формальную альтернативную занятость, из неформальных и дополнительных видов альтернативной занятости в выборке присутствуют сбор дикоросов, предоставление разного рода услуг односельчанам, а также сдача в наем помещений и промыслы. Из этих видов деятельности

наиболее распространены услуги – по вспашке огородов, уборке урожая, строительные услуги и т. д. Этими видами деятельности занято 6% респондентов выборки, еще 11–13 респондентов (Два респондента не указали этот вид доходов в своем совокупном денежном доходе, но отметили, что собирают и сдают дикоросы частным посредникам) занимаются сбором и реализацией дикоросов. При этом все они сдают собранную продукцию частным сборщикам, и только половина в дополнение к этому продают собранную продукцию на рынке. Наличие частных сборщиков в совокупности с информацией предыдущего раздела о наличии в стране крупных компаний по сбору дикорастущих недревесных плодов леса говорит о некоторой институционализации этого вида деятельности, превращении его из неформального в формальный. Доступная база данных не позволяет оценить наличие и вид контрактов со сдатчиками дикоросов, степень гарантированности этого вида дохода для населения. Кроме того, выборочное обследование выявило 8 случаев сдачи в наем жилья и других помещений, а также 4 случая промыслового производства.

Проведенный анализ показывает, что рассмотренными видами альтернативной занятости занимаются в основном маргинализированные жители села, с более низкими и менее гарантированными заработными платами, с непостоянной занятостью по найму, представляющие наименее материально обеспеченную страту сельского населения. Эта страта населения стремится максимально диверсифицировать источники своих доходов, используя для этого все возможности, включая сдачу в аренду земельного пая. Исходя из этого, можно предположить, факторами вовлечения сельского населения в эти виды деятельности являются скорее факторы нужды, чем спроса. Характерно, что вытесняются в эту сферу, прежде всего, лица с сельскохозяйственными специальностями. Эти виды деятельности представляют некую *safe net* для наименее обеспеченной части трудоспособного населения в селе, форму приспособления сельского рынка труда к ситуации трудоизбыточности аграрного производства.

Выводы

Одной из основных проблем развития сельского хозяйства и сельской местности России сегодня является проблема трудоизбыточности аграрного производства, усугубляющаяся с ростом продуктивности этого сектора. Аграрное рыночное производство сегодня дает только треть рабочих мест в сельской местности. Излишнее трудоспособное население вытесняется в сектор личного подсобного хозяйства, которое производит конкурирующую сельскохозяйственную продукцию, но с меньшей продуктивностью. Такой дуализм на рынке сельского труда не может не вести к падению уровня доходов от сельскохозяйственной занятости.

Старение сельского населения и падение доходов от основного источника – аграрного производства – приводит к тому, что социальные выплаты начинают получать высокий удельный вес в совокупных доходах сельского населения.

Реальной альтернативной занятости в сельской местности пока еще очень немного, в основном она представлена сбором дикоросов, неформальными услугами на внутридеревенском рынке услуг, зачаточным сельским туризмом. Данная занятость имеет неформальный, непостоянный характер. Она привлекает в основном маргинальное население, которое вытесняется из основных видов занятости.

Государственная политика может в этих условиях строиться на основе двух стратегий – 1) полного *laissez-faire* и 2) дирижизма.

При первом подходе можно предполагать, что рынок труда сам придет к своему равновесию, но на относительно низком уровне занятости и доходов в сельской местности. Огромные массы сельского населения в ряде регионов могут оказаться

полностью маргинализированными, перешедшими предельные черты бедности, скатившись в порочный круг бедности. Часть этого населения может пополнить городскую безработицу, произойдет дальнейшее сокращение плотности сельского населения в таких регионах, утрата населения в части территории страны.

Государственное вмешательство в ситуацию может также развиваться по двум направлениям. Государство может стремиться к поддержке сельской занятости за счет массивной поддержки отечественного сельского хозяйства. Такой избыточный аграрный протекционизм чреват снижением конкурентоспособности аграрного сектора страны и неоптимальным ростом расходов на аграрную политику. Современная политика социального развития села сегодня идет именно этим путем – она ориентирована на поддержание отечественного сельхозпроизводителя для предоставления рабочих мест сельскому населению, с одной стороны, и поддержку ЛПХ в ущерб крупному товарному производству (см.: Вставка 3.).

Вставка 3.

Национальный проект «Развитие АПК» стал одним из 4 национальных приоритетных проектов на ближайшие 2 года, решение о которых принято в конце 2005 г.

Проект состоит из трех основных элементов, каждый из которых предполагает определенный набор мер: ускоренное развитие животноводства; стимулирование малых форм хозяйствования в АПК; Привлечение молодых специалистов в сельское хозяйство (на этой основе обеспечение молодых специалистов жильем).

Программа развития животноводства предполагает довольно существенные вложения средств в импорт племенного скота из-за рубежа и в поддержке инвестиционного кредита на модернизацию крупных животноводческих ферм. В то же время намечен ряд мер по симулированию животноводства в ЛПХ. В частности, предполагается поддержка создания кооперативов по сбыту молока населением. Тем самым предполагается, что через продажу молока от 1–2 коров сельское население сможет заработать себе на сносное существование. Таким образом, с одной стороны, мы помогаем развиваться крупному производителю, закупая высокопродуктивный племенной скот для крупных товарных предприятий, облегчая им модернизацию ферм, а с другой – поддерживаем бабушек с их молочным производством. Но ведь это конкурирующие сектора. Поддерживая молочные кооперативы по сбору молока у населения, мы создаем конкурентов тем предприятиям, которые купят импортный высокопродуктивный молочный скот. Сельскому населению острейшим образом нужна помощь в создании дополнительных источников дохода (тем более, что если первая часть проекта все-таки удастся, то занятость в сельской местности еще более упадет: для обслуживания продуктивных коров на высокотехнологичных фермах нужно раза в 3–4 меньше людей, чем сегодня), но почему этими источниками признается только производство молока на своем подворье?

Источник: <http://www.iet.ru/afe/bulletin.html>

Возможен и другой путь для государственного вмешательства в ситуацию – политика сельского развития, включающая в себя некий начальный механизм поддержки альтернативной занятости в селе. Это не предполагает искусственного поддержания неаграрных рабочих мест в селе. Она должна включать возможность выведения избыточной рабочей силы из сельского хозяйства, рост эффективности сельскохозяйственного производства и соответствующий рост заработной платы в секторе. Возросший доход сельскохозяйственных работников приведет к росту спроса на услуги в селе и естественному процессу формирования нормального рынка труда в сельской местности. Однако начальный спусковой механизм должен быть привнесен мерами государственной политики.

Россия остро нуждается в сильной политике сельского развития как части аграрной политики страны. Задержка в решении названных проблем чревата формированием огромных слоев маргинального населения в сельской местности, и даже целых маргинальных сельских территорий. Мировой опыт показывает, что выход из такой

ситуации почти невозможен. Этим обуславливается острейшая насущность политики сельского развития сегодня.

Прогрессом в формировании политики сельского развития стало закрепление данной функции за МСХ РФ, а также принятие Федеральной целевой программы социального развития. Во многих регионах страны разрабатываются собственные программы сельского развития, так как Федеральная программа призвана софинансировать региональные программы. Все это является симптомами позитивных интенций, но, к сожалению, не более того.

Федеральная программа представляет собой свод соответствующих отраслевых программ развития в сельской местности отдельных элементов инженерной и социальной инфраструктуры. В регионах из-за желания не потерять потенциально возможные трансферты из федерального бюджета komponуют формальную целевую программу по такому же принципу.

Долгое время на федеральном и до сих пор в абсолютном большинстве регионов проблему сельской бедности пытаются решить через поддержку личного подсобного хозяйства населения. Безусловно, ЛПХ является определенным *coping mechanism* для сельских безработных, для сельскохозяйственных работников с низким уровнем заработной платы. Но для национальной политики такой подход формирует еще один порочный круг. Сельскохозяйственный работник имеет низкую оплату труда или даже оказывается безработным из-за того, что предложение труда в сельском хозяйстве превышает спрос на сельскохозяйственную продукцию. Для решения проблемы его дохода ему предлагают и помогают заняться тем же сельхозпроизводством (обычно, это производство молока), но только в заведомо менее эффективном личном хозяйстве. Это уменьшает спрос на продукцию индустриального производителя, он еще более снижает спрос на труд, и еще один работник оказывается с маргинальным доходом, и ему мы начинаем помогать производить в его хозяйстве. Таким образом, проблему трудоизбыточности в сельском хозяйстве мы начинаем решать путем резкой деиндустриализации и экстенсификации сектора.

Еще более разрушительный характер имеет практика поддержки сельского населения путем субсидирования заведомо убыточных производств: шерсти в ряде регионов, зернового производства за полярным кругом и т. д. – только на основании того, что в соответствующих регионах этот вид деятельности является единственным источником дохода. Получая ложные сигналы с рынка в виде субсидированных цен местные производители продолжают производить никому ненужную продукцию, в силу своей искусственно заниженной себестоимости создавать конкуренцию производителям в регионах с высокими конкурентными преимуществами в производстве этих продуктов и, в конце концов, теряют время и финансовые возможности (т. к. все субсидии когда-нибудь кончатся) для адаптации, для поиска новых источников доходов для сельского населения.

Иногда звучат предложения о массовом переселении сельского населения из маргинальных регионов. Это крайне опасное решение. Прежде всего, нужно понимать, что переместить это население в другие сельские местности не получится – опыт 1960-х годов в СССР и в Европе показал, что сельское население, снятое со своих мест, в сельской местности не остается – оно перебирается в города. Да и нет в России мест с недостатком низкоквалифицированной рабочей силы. А городская экономика не сможет переварить всю эту массу низкоквалифицированной, порой ассоциализированной рабочей силы. Это перенесет проблему в городскую экономику в еще более остром состоянии, так как не будет хотя бы такого буфера, как ЛПХ. Наконец, нужно понимать, что при таком высоком разрыве в плотности населения между восточными территориями России и

сопредельными государствами такое переселение будет означать потерю обширных территорий.

Политика сельского развития в России сегодня должна строиться на иных принципах. Это должна быть региональная политика при финансовой и институциональной поддержке федерального центра. При огромном разнообразии проблем и возможностей их решать по территории страны не может быть единых рецептов из Москвы. В каких-то регионах проблема решается лесом и его ресурсами, в каких-то – туризмом, в каких-то – приграничными возможностями и т.д.

Разрывать порочный круг формирующейся сельской бедности необходимо, на наш взгляд, в трех основных направлениях.

Во-первых, это создание альтернативной занятости. Занятость может рассматриваться альтернативной, если ею не занимаются на данной территории основные сельскохозяйственные производители, но она вполне может быть сельскохозяйственной. Иными словами, формирование альтернативных источников доходов может происходить в результате диверсификации аграрного производства в регионе. Отсюда вытекают два способа поддержки.

С одной стороны, это создание системы мелкого кредита в сельской местности для финансовой поддержки инициативы самих жителей. Это могут быть кредитные кооперативы (как в Ленинградской области) или специальные муниципальные фонды (как в Пермской области). Без государственной финансовой и институциональной поддержки такие самостоятельные институты не смогут возникнуть и не смогут собрать первоначальный капитал. Также нужны облегченные формы регистрации мелкого бизнеса в сельской местности, причем надо исходить из понимания того, что возможные упущенные потери от налогов от такого бизнеса не сопоставимы с огромными потерями государства от невозникновения такого бизнеса.

С другой стороны, нужна государственная (региональная, муниципальная) поддержка венчурного бизнеса, направленного на диверсификацию аграрного производства. Скажем, в регионе с традиционным производством молока, можно попробовать начать интенсивный откорм КРС. Если находится инвестор из перерабатывающей промышленности, готовый вложиться в сырьевую зону, то можно попробовать со льном или другими трудоемкими культурами.

Во-вторых, необходимы государственные усилия по развитию инженерной и социальной инфраструктуры. Здесь нужно уйти от сложившихся в советское время парадигм. Так, в инженерном обустройстве домов у нас преобладают централизованный подход, который на много дороже решений автономного обеспечения отдельных домов и групп домов. В телефонизации сельской местности мы все еще находимся в плену решений до эры мобильной связи (так, в федеральном законе о связи закреплено требование обеспечения телефона-автомата в каждой деревне). В сфере социальной инфраструктуры все еще довлеют советские представления о необходимости хорошей школы или больницы в деревне. При современных дистанционных технологиях радикальные решения лежат в плоскости дистанционного обучения и диагностирования. Интернет для культурного обеспечения отдаленных деревень будет значить на много больше, чем традиционный клуб или сельская библиотека.

В-третьих, необходимо менять парадигму сельского образования. До сих пор сельское образование – среднее и специальное среднее – нацелены на подготовку сельскохозяйственных работников. В сельской местности нужны специалисты и других профессий – в сфере туризма и сервиса, в сфере бытового обслуживания, организаторы кооперативов и т. д. Помимо конвенционного образования необходима система

распространения положительного опыта – нужно эксплуатировать присущую сельским жителям способность быстро перенимать позитивный опыт друг от друга.

Литература

- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.
<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>
- Социальное положение и уровень жизни населения России. 2005. Статистический сборник. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.
- Труд и занятость в России. 2005. Статистический сборник. М.: Росстат, 2006.
- Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2002. Статистический сборник. М.: Росстат, 2002.
- Российский статистический ежегодник разных лет.
- Богдановский В.* Аграрный рынок труда: проблемы формирования и функционирования. 2003. Мimeo.
- Богдановский В.* Труд и занятость в сельском хозяйстве // Вопросы экономики. 2005. № 6.
- Гимпельсон В.* Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? // Альманах Ассоциации независимых центров экономического анализа. 2004. Вып. 2. Современные проблемы социальной политики в России. www.aret.ru
- Гражданникова М., Лерман Ц.* Оценка аллокативной и технической эффективности сельскохозяйственного производства // Вопросы экономики. 2005. № 6.
- Кузнецов В.В., Тарасов А.Н., Дунаев В.Л., Лысенко Е.Г.* Личные подсобные хозяйства сельского населения: факторы развития и экономическое поведение в переходной экономике. Ростов н/Д.: Коралл-Микро, 1998.
- Овчарова Н., Пишняк А. И.* Сельская бедность в России // Местное самоуправление и гражданское участие в сельской России (сборник статей). М.: Астро-Плюс, 2003.
- Панков Б.* АПК: выход на новую траекторию развития. Сельская занятость: нужны не столько деньги, сколько оригинальные решения // Человек и труд. 2002. № 8.
- Серова Е., Шик О.* Мягкие бюджетные ограничения как фактор финансовой несостоятельности российского сельского хозяйства // Доклады на II Конгрессе Российской ассоциации аграрных экономистов 13–14 февраля 2006 г. (в печати)
- Серова Е., Тихонова Т.* Кто является действительным сельхозпроизводителем среди российских ЛПХ? // Доклады на II Конгрессе Российской ассоциации аграрных экономистов 13–14 февраля 2006 г. (в печати)
- Узун В.Я.* Крупный и малый бизнес в сельском хозяйстве России: адаптация к рынку и эффективность. 2004. http://www.iet.ru/afe/conferences/2004_09_13/papers-rus/Structure-Uzun-rus.pdf
- Фадеева О.П.* Неформальная занятость в сибирском селе // Экономическая социология. 2001. Том 2. № 2.
- Храмова И.Г.* Деятельность агрохолдингов в российском продовольственном секторе: результаты одного исследования // Экономика переходного периода. Сборник избранных работ. 1999–2002. М.: Дело, 2003.
- Bezlepkina I.* Microeconomic Analysis of Russian Agricultural Enterprises with Special Reference to Subsidies and Debts // PhD-thesis. Wageningen University, 2004.

- Buchenrieder G.* Overview of Poverty Impacts of and Policy Options for Non-Farm Rural Employment // Proceedings of the Mini-Symposium. 25th International Conference of Agricultural Economists (Durban, South Africa). Stuttgart: University of Hohenheim, August 16–22, 2003.
- China in the Global Economy. China Agriculture in the International Trading System. OECD. 2001.
- Davis S.* Are Coping Strategies a Cop Out? // IDS. 1999. Bulletin 24 (4).
- Janvry de A., Sadoulet E.* Achieving Success in Rural Development: Toward Implementation of an Integral Approach.
- Johnson D.G.* World Agriculture in Disarray. London: Macmillan Press Ltd., 1991.
- Laczka E.* Restructuring the System of Agricultural Statistics in Hungary. <http://www.istat.it/Eventi/caesar2/Laczka.pdf>
- Leibenstein H.* Allocative Inefficiency vs. X-Inefficiency // American Economic Review. 1966. 56.
- Osborn S., Trueblood M.* An Examination of Economic Efficiency of Russian Crop Production in the Reform Period // Presented in Conference in Halle. Germany; Mimeo, 2002.
- Start D.* The Rise and Fall of the Rural Non-farm Economy: Poverty Impacts and Policy Options // Development Policy Review. 2001. 19 (4).
- Swinnen J.F.M.* Trends and Developments in the Agribusiness and Agricultural Sectors in CEE and NIS // Paper Presented at the EBRD/FAO Conference on “Investment in Agribusiness and Agriculture in CEE and the CIS”. Budapest: Katholieke Universiteit Leuven & Centre for European Policy Studies (CEPS). 20/21 March 2002. Mimeo.